

Пролог

Знаю, таких, как я, называют ненадежными рассказчиками. Впрочем, если вы верите на слово каждому встречному — ваши проблемы.

То, что вы читаете эти строки, само по себе поразительно и абсолютно беспрецедентно.

Видели когда-нибудь сейсмограф? Ну, такую мудреную, чувствительную штукювину с похожим на паучью лапку пером, которое фиксирует подземные толчки, вычерчивая линию на движущейся ленте? Теперь представьте, как это перо безмятежно скользит по бумаге, проводя ничем не примечательную прямую, означающую тишь и покой как у вас под ногами, так и на всей планете, — и вдруг из-под острия появляются слова, а бумажная лента начинает метаться туда-сюда, чтобы поспеть за каллиграфическими вензелями. Пусть, скажем, перо выводит текст: «Знаю, таких, как я, называют ненадежными рассказчиками...»

Вот какова была вероятность того, что я напишу эти строки, а кто-нибудь их прочитает! И я не преувеличиваю.

Время, место. Без этих уточнений, пожалуй, не обойтись, хотя в моих обстоятельствах они несущественны. Тем не менее нам нужна отправная точка — где и когда, — так что давайте начнем с миссис Малверхилл и нашей первой встречи на заре

золотой эпохи, которую тогда еще никто не осознавал. Я имею в виду десятилетие с хвостиком между двумя падениями: Берлинской стены и башен-близнецов.

Если совсем уж точно, эти двенадцать лет, которые я сейчас назвал бы благословенными, начались прохладной, бурной ночью 9 ноября 1989 года в центре Европы, а закончились ясным утром 11 сентября 2001-го на Восточном побережье Америки. Первое событие возвестило, что угроза глобальной ядерной катастрофы, висевшая над человечеством без малого сорок лет, рассеялась и эпохе всеобщего идиотизма пришел конец. Впрочем, ненадолго: второе повлекло за собой новую эру безумия.

Падение Стены зрелищным не было. Стояла ночь, а по телевизору показывали, как толпа берлинцев в кожаных куртках, по большей части с молотками, без особого успеха атакует армированный бетон. Никто не погиб. Зато многие, несомненно, напились, обдолбались и переспали друг с другом.

Да и сама Стена трепета не внушала; высокой ее не назовешь, неприступной — тоже. Главным препятствием была пограничная зона между бетонными ограждениями: песчаное минное поле, гиблое царство сторожевых псов и колючей проволоки. Вертикальный же барьер играл скорее символическую роль, служа просто разделительной чертой. И не важно, что никто из ликующих вандалов, рвавшихся к Стене, не мог существенно ей навредить без тяжелой техники; главное — люди преодолели этот символ раздора, преграду, якобы защищавшую от внешнего мира, и их не расстреляли на месте.

Так или иначе, сложно себе представить лучшую аллегория пробудившейся надежды, оптимизма и рывка навстречу переменам. Что касается теракта, устроенного «Аль-Каидой» на территории США (а поскольку он стал поводом для военного вторжения и оккупации другого государства, причем во имя демократических ценностей, давайте выразимся в национал-демократическом ключе: теракт, устроенный на территории США Саудовской Аравией), — вряд ли найдется событие, по духу более контрастное.

Между этими двумя грандиозными столпами гамаком растянулись годы, которые человечество провело в счастливой дреме.

Примерно на экваторе этих томных времен мы с миссис М. потеряли друг друга из виду. Затем встретились вновь и уже в последний раз расстались, незадолго до третьего великого Падения — падения Уолл-стрит и Сити, банковского и финансового краха, начавшегося 15 сентября 2008 года.

Находить такие закономерности в книгах наших жизней весьма увлекательно, не правда ли?

Впрочем, подобная конгруэнтность¹, пусть и полезная для фиксации наших личных судеб в пределах общего исторического процесса, по существу, бессмысленна. За время, которое мне довелось пробыть здесь после моего собственного скромного падения, я убедился, что значимость тех или иных вещей, как правило, определяем мы сами. Мы находим смысл даже в бессвязной цепочке событий, при этом отмахиваясь от самой очевидной взаимосвязи между отдельными аспектами нашей жизни, если взаимосвязь эта противоречит особенно дорогому, тщательно взлелеянному нами предрассудку или дарующим надежду убеждениям. Кажется, об этом мне поведала миссис Малверхилл. Или мадам д'Ортолан — я иногда их путаю.

Я немного забегаю вперед, поэтому, в свете вышеизложенного, предлагаю не бороться с этим эффектом, а насладиться им сполна.

Пусть мы только начали, вам уже, наверное, любопытно, как моя роль в данной истории закончится.

Сейчас расскажу.

Заканчивается все вот как: ко мне в палату заходит человек. Одет в черное, на руках — перчатки. Вокруг темно, горят только дежурные лампы в коридоре, однако мужчина меня видит. Я лежу на больничной койке, подголовная секция приподнята; пара трубок и проводки соединяют мое тело с медицинскими приборами. Человека в черном это не

¹ *Конгруэнтность* (в широком смысле) — равенство, адекватность друг другу различных экземпляров чего-либо или согласованность элементов системы между собой. (*Здесь и далее — прим. пер.*)

волнует: медбрат, который мог бы услышать сигнал тревоги, валяется в конце коридора связанный и с заклеенным ртом; его монитор выключен.

Мужчина закрывает дверь, и в комнате становится еще темнее. Он тихонько, на цыпочках подбирается к изголовью кровати, чтобы меня не разбудить, хотя врачи дали мне успокоительное — слегка одурманили, чтобы лучше спалось. Незнакомец оглядывает койку, даже в полумраке подмечая, что одеяло и простыни плотно подоткнуты, а я туго спеленут, будто в коконе.

Убедившись, что я неподвижен, мужчина берет свободную подушку, осторожно опускает мне на лицо, а затем резко наваливается сверху, давя ладонями на подушку и локтями прижимая мои руки к койке. Он переносит вес почти целиком на верхнюю часть тела; в пол теперь упираются лишь носки его ботинок.

В первые секунды я не сопротивляюсь. А когда начинаю, незнакомец только ухмыляется. Мои слабые попытки высвободить руки или отбрыкаться ни к чему не приводят. Даже здоровый, сильный парень, будь он накрепко замотан в простыни, вряд ли сбросил бы с себя такую тяжесть.

Последним, отчаянным рывком я пытаюсь выгнуть спину. Человек в черном легко меня усмиряет. Спустя мгновение — другое я падаю без сил и больше не шевелюсь.

Мой противник далеко не глуп — понимает, что я могу притворяться мертвым.

Идут минуты, а он — неподвижный, как и я, — лежит сверху, время от времени сверяясь с наручными часами, дабы убедиться, что мне конец.

Надеюсь, вы довольны. Не успел я начать, а вы уже знаете финал! А теперь давайте приступим. Перво-наперво — к тем событиям, которые в некотором смысле еще не случились.

Все начинается в поезде, бегущем по самой высокогорной в мире железной дороге из Китая в Тибет. Все начинается с мужчины в дешевом деловом костюме коричневого цвета, нетвердой походкой переходящего из вагона в вагон. В одной

руке у него небольшой баллон с кислородом, в другой — автоматический пистолет. Под ногами — подрагивающая металлическая площадка. Гофрированный рукав между вагонами со свистом сжимается и разжимается, словно огромный двойник ребристой трубки, соединяющей кислородный баллон с прозрачной маской у мужчины на лице. Под маской блуждает нервная улыбка.

Поезд с грохотом вздрагивает, и от резкого толчка мужчину швыряет на ребра «гармошки». Похоже, вечная мерзлота в этих краях не такая уж вечная: поговаривают, что с грунтом здесь имеются проблемы.

Вагоны перестают крениться и теперь идут плавнее. Мужчина восстанавливает равновесие; зажав кислородный баллон под мышкой, он свободной рукой поправляет галстук.

Пистолет К54, произведенный еще во времена Вьетнамской войны, с годами стал гладким, отполированным. Стрелять из такого ему прежде не доводилось, но, по слухам, оружие надежное. Глушитель, правда, незатейливый, похож на самодельный. Впрочем, сойдет.

Мужчина в коричневом костюме взводит курок, а свободную руку заносит над кодовой панелью, расположенной на двери в частный вагон. На экранчике лениво мигает красный огонек.

Поезд подъезжает к наиболее возвышенному отрезку маршрута — перевалу Танг-Ла; до Лхасы он доберется только к вечеру. Здесь, на высоте в пять с лишним километров, воздух холодный и разреженный. Пассажиры по большей части сидят на местах, не снимая кислородных масок. Снаружи вот уже около часа тянутся гребни и волны Тибетского нагорья. Эта симфония в желтовато-серых и бурых тонах, местами приправленная июньской зеленью, — предвестница кряжистых гор, чьи грозные парапеты уже виднеются вдалеке.

Начальник охраны поезда запросил за код доступа кругленькую сумму. Лишь бы не обманул. Рука быстро набирает цифры.

Красный огонек перестает мигать и сменяется зеленым. Мужчина нервно сглатывает.

Стучат колеса; дверная ручка под пальцами кажется ледяной.